Текст · 19 октября 2023, 08:29
Дмитрий Швец,

«Я конченый». Разговор бойца «ЧВК Вагнера» с сестрой в подкасте «Привет, ты иноагент»

В первом эпизоде подкаста авторы рассказывают, что слушательница Саша написала им о ситуации в своей семье: они живут в «довольно большом промышленном городе», мать, отец и единоутробный старший брат Глеб поддержали войну в Украине. Брат — выпускник техникума, он взял кредит на устройство автомойки, но бизнес не задался, и молодой человек погряз в долгах.

«Глеб и его друзья часто романтизировали службу и говорили о том времени как о лучшем, что с ними случалось в жизни, хотя на контрактную службу никто из них почему-то решил не наниматься, — пересказывают в подкасте слова Саши. — Возможно, причина романтизации в том, что на гражданке жизнь у Глеба не складывалась. Постоянной работы не было. Он то чинил машины, то клал асфальт, то работал на стройке».

О брате девушка говорит, что с ним у нее всегда были хорошие отношения: «У меня от старшего брата музыка, любовь к музыке, любовь к одежде в хип-хоп-стиле. Тогда это было очень модно. И он в этом всем широком ходил. Любовь к кроссовкам. Я думаю, что у меня от него эта любовь к рэпу, хип-хопу, группе "Король и шут", "Арии"».

Правда, по ее словам, у него были «нереалистичные амбиции»: «Ему всегда казалось, что есть какой-то легкий способ сорвать куш. Какая-то короткая дорожка, лазейка, туда вложить деньги, и они быстренько придут».

В июле 2022 года Глеб сказал родным, что уезжает в командировку, и перестал отвечать. В семье догадались, что он отправился на войну, и попробовали справиться о нем в военкомате, но там лишь сказали, что молодой человек «не мертв и не пропал без вести и что он не на государственной службе». Так в семье появилась версия, что Глеб попал в ЧВК.

Embedded content is unavailable in PDF

Зимой 2023 года Глеб вернулся. Первые встречи проходили в кругу семьи, при родителях, так что откровенного разговора с братом о войне не выходило. Но несколько дней спустя он зашел к Саше в гости, и их первый разговор тет-а-тет девушка решила записать на диктофон.

«Если честно, мне было очень страшно, что я записываю наш разговор. Не в смысле, чтобы он бы меня ударил или еще что-то такое, а в том смысле, что он бы сказал: прекратите, никуда не отдавайте и так далее. Я не думаю, что он бы понял. Потому что, ну, вот это некоторая паранойя, которая, конечно, вдруг это кто-то услышит, там, вдруг найдут по каким-то признакам и вдруг ему что-то сделают, причинят вред любой, физический или еще какой-то. Конечно, это очень страшно, — говорит Саша авторкам подкаста. —

Как будто бы это необходимо было сделать... Я очень верю в силу слов, информации, интонации. Я очень верю в силу историй. Я очень верю. Возможно, кто-то услышит эту запись, кто в похожей ситуации или не в такой же ситуации. Возможно, ему станет легче или он о чем-то задумается, что-то вот такое».

Ведущие подкаста оговариваются, что считают допустимым с точки зрения журналистской этики опубликовать записанный тайно разговор, потому что он «хорошо показывает образ мышления обычного российского парня, ставшего наемником в частной военной компании, которая существовала незаконно и действовала незаконными методами, вела военные действия, пытала пленных и убивала собственных сотрудников».

Embedded content is unavailable in PDF

Далее мы публикуем выдержки из разговора Глеба с Сашей.

Про то, почему не звонил родственникам

Я понимаю, что я свинина. Я даже не спорю с этим утверждением.

> Парняга прямо оттуда дозвонился как-то, видимо, неудачно. И короче, на голову его супруги полетели... «Мы знаем, что ваш муж у нас, на нашей земле, он убивает наших детей, и туда и сюда». А потом они начали по всем соцсетям долбить: «Шлюха!

Наркоманка! Такая-сякая!». Короче, девчонка бросила работу, бросила город и уехала вообще на хрен...

У нас были те, которые осмеливались звонить, и у них прокатывало. Но свою удачу я ставил конкретно под себя, потому что свои девять жизней я тоже оставил там. И поэтому, как бы, еще как-то попытаться ее дернуть за хвост... Нет, это очень дорого могло стоить. Дороже, чем оно в итоге обошлось.

Про то, зачем стал наемником

— Ну, просто реально, когда рассказывали, что денег будет море — за то доплата, за это доплата, за то доплата, за это доплата. Только полтинник срезали-[1], а доплатить, суки, ни за что не доплатили. Вот абсолютно. Ну так, значит, так. Но вот я буквально через неделю понял, что я туда поехал уже не за деньгами.

— А изначально — за деньгами?

— Да, исключительно. Ну, извини меня, там такие деньги... Где-то через неделю, когда я впервые пообщался с мирным населением, когда я посмотрел, что там вообще в реале происходит, я понял, что я приехал не за деньгами, потому что на деньги уже было насрать. В конце командировки я начал задумываться о том, что чего-то там, а деньги туда-сюда только, наверное, по одной простой причине. Потому что когда ты приближаешься уже к тому моменту, когда тебя выпустят, уже интересно: как бы, а смысл-то вообще за деньгами приходить был сюда? Или здесь чисто на инициативе, на альтруизме

хреначить? Ну, ты знаешь, суммы там в принципе... Практически все то, что они обещают.

— Там сотнями зарплаты?

— 240.

— В месяц?

— Да. Плюс за то, что у меня была контузия, 30 тысяч. И плюс полтинник за вот эту железку. За награду. В итоге, конечно, сумма... Я думал, будет больше, но я тебе скажу так: я не был суперразочарован.

Про уверенность в собственной правоте

— Мы пытаемся сохранить население. Мы наемники. У нас нет политической подоплеки, у нас есть деньги: нам заплатили — мы сделали. А то, что мы попутно сохраняем жизни детям, которых на руках выносим, бабушкам, дедушкам, которых вытаскиваем под пулями, под «Градами», под всей этой херью. Ну, извини, это побочный эффект.

— Ой, господи, просто интересно бы посчитать, скольких детей убила эта война, а скольких детей спасла.

— А зачем это считать? Тут дело не в том, что эффективно, неэффективно. Тут дело в том, что надо было это сделать, дабы это решилось, да! Потому что вы же не хотите считать, сколько детей завалили за восемь лет бездействия.

— Причем тут «вы»?

— Причем. Потому что вы, опять же, та часть населения, которая должна толкать эту страну вперед.

— А ты не эта часть населения?

— Нет.

— Почему?

— Потому что... потому что я конченый. У нас уже все с психикой полная хрень. У нас решение проблемы только одно. И если этим решением мы будем пользоваться и впредь, находясь и здесь, то это начнется уже страшно.

— А мы не думаем, что через годик-два Пригожин такой: хочу...

— Я бы с удовольствием. Переворот по-быстрому и вычистить на хрен всю эту дичь оттуда, поставить боевых, скажем так, военных, людей боевых, которые знают, что такое фунт лиха, и чтобы они попробовали порулить. Потому что те, которых якобы выбрали или не выбрали, они зарулить не смогли. Я уж попробую что-то новое. Лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, чего не сделал. Да, моя логика, может быть, слишком простовата, но, по факту, это хоть какое-то телодвижение. А сидеть и ничего не делать, жить в государстве, которое якобы не устраивает... Но вы не делаете ничего.

Мы, главное, со своей задачей справляемся. А то, что не справляются они, ну так вы здесь вопрос решаете. Вы же мирное население, вы, вашу мать, живете в этих городах, и вы же за этими городами следить не хотите. Если вы не хотите активизировать вот эту мусорку, то вы дождетесь, мирное население. Вы дождетесь, что «Вагнер» зайдет и в Россию.

— «Вагнер» уже в России.

— Это хорошо.

— Это плохо.

— Это отлично. Это отлично.

Про Украину

— Там мы находимся по одной простой причине. Потому что сколько бы министерство обороны ни пыталось что-то придумать, у него ничего не получается. Ну просто не получается. Они не могут, у них нет того, кто делает, это делает, то. Мы делаем то, что все остальные делать не хотят или не могут. И когда все вот это заканчивается, на нас не хотят смотреть. Это просто работа.

— Убивать других людей?

— В том числе и это: так же, как ты убиваешь других людей, ты спасаешь тоже других людей. Ты не даешь убивать мирных людей, разрушать города, памятники. Ты просто это не даешь делать. Да, путем того, что ты убиваешь других людей. Ну, если можно считать человеком существо, которое перед

этим насилует, грабит, убивает. Вандалирует со всеми возможными памятниками.

— А если не грабят, не убивают, просто защищают свою страну?

— Я не вижу никакой другой страны. Это такая же часть моей страны, в которой я живу.

— Это отдельное государство.

— Это не отдельное государство, никогда в жизни она не была отдельным государством. Это всю жизнь была часть нашей огромной, большой, общей страны. Я не говорю, что это наша земля. Это общее государство.

— Это отдельная страна.

— Я тебе про это и говорю. Это не отдельная страна, никогда не была.

— И как?

— Ну вот так.

— А где наша бабушка жила?

— Наша бабушка жила на Украине, часть нашего же государства.

— Которое развалилось в 91-м году.

— Оно развалилось. Но Украина никогда в жизни не отвалилась от нас. Она все время была с нами. Мы ей всегда бесплатно газ давали, нефть всегда давали,

ресурсы для того, чтобы заводы ее в Киеве пахали. Она была ближе нам, чем Беларусь, хотя Беларусь намного экономически важнее.

Про «восемь лет»

— По факту, то, что я видел, и то, что я делал, — дело наше всегда право.

— Всегда так очень удобно думать.

— Так очень правильно думать. Потому что когда ты не даешь убивать слабых и незащищенных, а убиваешь тех, кто под наркотиками творит хайп, даже по-другому и никогда в жизни не подумал бы. Ну, извини меня, как мама правильно сказала, восемь лет им давали на то, чтобы они пытались сделать это все как-то по-человечески. Восемь лет они грабили, насиловали, убивали русскоязычное население. Сейчас они за это очень дорого платят, в основном своими конечностями и в основном по кускам. И ты знаешь, вообще никакой доли зазрения совести я тут не испытываю. И не оттого, что я считаю, что я прав. А от того, что я не даю им делать то же самое с мирным населением.

—То есть мы бомбим, бомбим, бомбим их мирное население — все нормально.

— Мы бомбим не только их мирное население, но и свое.

— Класс.

— Да. Потому что, не разбив яйца, яичницу не приготовишь.

— А кого мы спасаем, кстати?

— Мы спасаем в том числе и против нас настроенных настоящих украинцев, которые «Слава Украине! Героям слава!». Даже их спасаем.

— От кого? Что мы там делаем?

— А, между прочим, от своих же. Потому что они их же и валят. И сколько раз я уже видел: лежат тела, нету кистей рук и нету головы. Зачем они своих так вандально убивают? Не можешь мне рассказать?

— Не знаю, что мы там делаем.

— А что мы там делаем? Мы защищаем интересы России.

— Ракетами фигачим Киев, Харьков и так далее.

— Киев, Харьков. Да. И мало, кстати. Абсолютно мало.

Про мародерство

В огромном количестве. Сколько раз вскрывали сейфы. Заходишь, грубо говоря, стоит какой-нибудь крутой дом, в нем стоит сейф. Этот сейф, видимо, кто-то взломал, то есть видно — механически. И перезакрыл. Не знаю, как это было сделано, но смысл ведь какой: выкручиваешь из гранаты запал, называется УЗРГМ. Привязываешь его туда изолентой, вынимаешь из него кольцо, и в лыжах на

хуй оттуда. Дверь вылетает вместе с этим УЗРГМом! Ты смотришь, что у тебя внутри находится.

Но, опять же, не ради мародерства это все делается, а ради того, чтобы это никто не сделал из мирных жителей, потому что никто не знает, что там внутри. Был случай, когда вот так вот попытались вскрыть какой-то, грубо говоря, сейф. Пизданuло так, что полдома съехало на хер. Видимо, там что-то, блядь, заложили не то, как обычно. А по поводу вот этих всех драгоценностей, денег. Деньги, каюсь, грешен, да. Деньги уходили на нас. А если тебя поймают с этим рыжьем — золото, серебро, — тебя там же и завалят. Точно так же, как и с синькой. Деньги, грубо говоря, ты кидаешь сразу в общак — приносишь их старшему.

Про сослуживцев

Отличный пацан. Да, заключенный. Да, убил. Да, не один раз. По-моему, трижды он кого-то валил. Да. Но, ты знаешь, там они проверенные. Я их всех видел. Даже больше того скажу, с 90% из них я стоял там, впереди. И они, когда домой поехали, ты не представляешь, как я за них рад был. Они мало того что свою свободу себе выбили, они еще и гордо это сделали, настолько гордо...

Про методы поддержания дисциплины

— Когда у тебя около виска пистолет, ты начинаешь думать не так, как думал бы в армии, когда: «Ну че мне за это будет? Выговор, что ли? На губу посадят?». Нет, здесь никто разговаривать не будет. Первый раз тебе выстрелят в колено, а второй раз — уже в голову. И

то, в колено — это будет реально предупредительный, по-божески. Чтобы ты просто использовал свой шанс.

— А почему стреляли в колено?

— Накосячил. Машину перевернул — накосячил. Поехал в город, не взял с собой бронежилет — накосячил. Выпил стакан пива, даже безалкогольного — накосячил. Нету с собой обезбола, который должен быть с тобой круглые сутки, всегда, — накосячил, потому что таким образом они пресекают наркоманию. Там же на обезболах нормально можно выезжать, как мне объяснили некоторые наркоманы, которые там есть. К кому-то претензий вообще никаких нет. Ну выстрелили в колено. Они же за дело, по факту, стреляют. Не выстрели они ему в колено, когда он синий или когда он уколотый — сейчас все начнут этим заниматься. Бронежилет не взял — они же все начнут без бронежилетов ходить. И это как снежный ком, постоянно накручивается.

Ты знаешь, и с простреленным коленом у меня товарищ две недели бегал по передку. Ничего, нормально. За свой косяк бегал. Поэтому он говорит: «Не надо меня здесь валить, отправьте на передок, я лучше сам и с собой еще укропских тварей позабираю».

Эпилог

Саша рассказывает, что брат купил машину, дал ей 30 тысяч рублей — она перевела их пострадавшим от российской агрессии — и еще 50 тысяч рублей матери, однако вскоре ему вновь пришлось занимать у нее

деньги. На вопрос, скольких он убил, Глеб ответил, что не скажет.

Весной «отпуск» Глеба подходил к концу, и он сообщил сестре, что возвращается на войну. Этот разговор она тоже записала.

По его словам, ему «не раз звонили и не раз писали», но, уверял он, не угрожали:

— Намекают. У них нет такого, что угрожают. Не хочешь — никто тебя за уши не тянет. Но воевать ты в любом случае будешь. Во-первых, компания не любит, когда уезжают и меняют симки, чисто мужицкий подход — неправильно так по-мужицки решать вопрос. Во-вторых, все бы ничего, но надо туда ехать и говорить, что, мол, все, контракт не нужен. По факту, я подписал контракт на целый год. У них, точнее, у нас у всех стандартизированный год, то есть он один, контракт на всю компанию. Бегать бессмысленно. Они работают с теми же МВД и ФСБ. Найдут при желании на раз-два. Таких, как воздуха, не хватает. Есть распиздяи, которые быстро дохнут, а есть такие, которые вылазят оттуда. <ÿ.ÿ Я не хочу конкретно туда, то есть не вообще завязывать со всем этим наемничеством — наемничество мне понравилось. Это благое дело. Правильно, боец. Дело наше всегда право.

— А есть вероятность, что тебя отпустят?

— Навряд ли. Я не пострадал ни головой, я не пострадал физически. Вероятность того, что просто так отпустят и скажут, что все, очень мала.

Он надеялся, что его отправят не в Украину, а на Ближний Восток или в Африку, и упомянул еще два места, где действует «ЧВК Вагнера», — Сицилия и Куба. Попасть туда у Глеба надежды не было — слишком высокий конкурс. Несколько дней спустя он уехал на полигон в Молькино под Краснодаром. О его дальнейшей судьбе подкаст «Привет, ты иноагент» расскажет в выпусках, которые будут опубликованы позже.

Редактор: Мика Голубовский

---

1. Однажды Глеб все-таки позвонил своему другу.